

Научная статья

УДК 94(47+574)“1750/1868”:339(=512.145)

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.11

Татарское купечество г. Троицка Оренбургской губернии в российско-центральноазиатской торговле в середине XVIII — второй половине 60-х годов XIX века

Эльза Маратовна Гибадуллина

Бугульминский филиал Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, Бугульма, Россия, gibelza@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1029-1104>

Аннотация. В статье проводится анализ участия татарских купцов г. Троицка Оренбургской губернии в российско-центральноазиатской торговле в 1750—1868 гг. Делается вывод о том, что на ранних этапах торговли в Троицкой крепости большинство татарских купцов были временными из Казанской и Вятской губерний. Служилые татары г. Казани до 1821 г. участвовали в международной торговле на правах гильдейских купцов, фактически не являясь ими. Местом концентрации татарского купечества г. Троицка стал меновой двор, основными видами деятельности — меновая стационарная и периодическая караванная торговля, посредничество. Отмечается, что татарское купечество, пользуясь поддержкой государства и действуя в условиях этнокультурного взаимодействия, заняло свою нишу в российско-центральноазиатской торговле, став коммуникативным звеном между купцами из внутренних губерний России и азиатскими торговцами. Татарские купцы являлись монополистами среди российских коммерсантов в караванной торговле, составляя 90% и более среди ее участников, осуществляя ее лично или через своих приказчиков.

Ключевые слова: социально-этническая группа, служилые татары, купцы, меновой двор, меновая торговля, таможня, караванная торговля.

Для цитирования: Гибадуллина Э. М. Татарское купечество г. Троицка Оренбургской губернии в российско-центральноазиатской торговле в середине XVIII — второй половине 60-х годов XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 170—192. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/11_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.11.

Original article

Tatar merchants of Troitsk, Orenburg province, in Russian-Central Asian trade in the middle of the XVIII — second half of the 60s of the XIX century

Elsa M. Gibadullina

Bugulma branch of Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov, Bugulma, Russia, gibelza@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1029-1104>

Abstract. The article analyzes the participation of Tatar merchants of Troitsk, Orenburg province, in Russian-Central Asian trade in 1750—1868. It is concluded that in the early stages of trade in the Troitskaya Fortress, most Tatar merchants were transient, coming from Kazan and Vyatka provinces. Until 1821, the service-class Tatars of Kazan were involved in international trade as guild merchants not actually being such. Barter courts became the place of concentration of the Tatar merchants in Troitsk, the main activities were stationary barter and periodic caravan trade, as well as mediation. It is noted that Tatar merchants, enjoying the support of the state and acting

© Гибадуллина Э. М., 2024

under conditions of ethno-cultural interaction, occupied their niche in Russian-Central Asian trade, becoming a communication link between merchants from internal provinces of Russia and Asian merchants. Tatar merchants were monopolists among Russian merchants in the caravan trade, accounting for 90% or more of its participants carrying it out personally or through their clerks.

Keywords: socio-ethnic group, service-class Tatars, merchants, barter court, barter trade, customs, caravan trade.

For citation: Gibadullina E. M. Tatar merchants of Troitsk, Orenburg province, in Russian-Central Asian trade in the middle of the XVIII — second half of the 60s of the XIX century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 170—192. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.51.11>.

Введение

В современных условиях российской действительности для экономической независимости государства важное значение приобретают организация производства отечественных товаров и активный торговый баланс. В связи с этим особую актуальность имеет изучение опыта купечества — организатора отечественного производства и торговли, игравшего в дореволюционный период важную роль в экономическом развитии страны.

Троицкая крепость (с 1784 г. — город Троицк), основанная в 1743 г. на границе Российского государства с Казахской степью, среди постоянных поселений Оренбургской пограничной линии по своей геостратегической и геоэкономической значимости уступала только губернскому г. Оренбургу, являясь одним из важнейших центров российско-центральноазиатской торговли. Татарское купечество г. Троицка (временное и постоянное), обладая коммерческим опытом, материальными и социокультурными ресурсами, участвовало в международной торговле, вносило значительный вклад в освоение новых азиатских рынков, в обеспечение отечественных предприятий мануфактурного типа сырьем и сбыт готовой продукции.

Временные рамки исследования включают период с первого известного на сегодняшний день упоминания татарских торговцев в Троицкой крепости в 1750 г. до 1868 г., когда Троицкая таможня перестала действовать в связи с упразднением Оренбургского таможенного округа и переводом его на Туркестанскую границу. Под государствами Центральной Азии подразумеваются казахские жузы, кочевавшие в Казахской степи, Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, Северо-Западный Китай.

В дореволюционной делопроизводственной документации, научно-публицистической литературе используются такие понятия, как «киргиз-кайсаки» и «Киргизская степь», в данном исследовании вместо них будут использованы общепринятые в современной научной литературе термины «казахи» и «Казахская степь».

Статья посвящена анализу участия татарских купцов г. Троицка Оренбургской губернии в российско-центральноазиатской торговле.

В дореволюционной историографии проводилось преимущественно описание российско-центральноазиатской торговли, в контексте которой рассматривались различные аспекты участия в ней российских татар. Так, М. Н. Ястребов, в конце 40-х гг. XIX в. преподававший в Троицком уездном училище и сотрудничавший с Императорским Русским географическим обществом, подробно описал состояние торговли в разных частях Троицкого менового двора [81], П. И. Небольсин обратил внимание на значительное число татарских коммерсантов, выезжавших в ханства Средней Азии [22], Г. В. Колмогоров охарактеризовал механизм меновой торговли в Казахской степи [14]; в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба...» описаны виды караванов по их численности, с помощью которых происходил обмен товарными

потоками из внутренних губерний России и странами Центральной Азии, маршрутные пути [19]; в труде В. М. Черемшанского татары упоминаются при описании этнического состава населения Оренбургской губернии, присутствует описание меновых дворов г. Оренбурга и г. Троицка [79]; И. И. Архангельский отметил факт наличия в г. Троицке местных и приезжих купцов-мусульман и показал динамику их численности с 1843 по 1868 г. [4]; благодаря исследованию П. Х. Спасского можно получить представление о тенденциях развития торговли и промышленности в России, позволяющих выявить экономические предпосылки участия татар в российско-центральноазиатской торговле [12].

Важное значение для проведения данного исследования имеют работы советского периода. Н. Г. Апполова, изучая экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в., отметила активное участие татар г. Оренбурга и г. Троицка в торговле России с казахскими жузами и ханствами Средней Азии [3]; М. К. Рожкова, изучавшая внешнюю торговлю России в 50—60-е гг. XIX в., пришла к выводу о том, что в указанный период для товаров российской промышленности рынок Западной Европы был закрыт [71], тем самым объясняя значимость для России торговли со странами Центральной Азии. Г. А. Михалева изучила эволюцию торговых и посольских связей России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург, имевших определяющее значение для становления российско-центральноазиатской торговли [20]. Проведенный исследователем анализ развития ремесел, торговли и пошлин в Узбекистане в XVIII — первой половине XIX в. позволяет получить представление о видах ремесленного производства в среднеазиатских ханствах, способах получения торговцами из ханств Средней Азии товаров из соседних государств, благодаря чему эти товары появлялись на меновых дворах Оренбургской пограничной линии, о развитии в ханствах внутренней торговли и денежного обращения, что объясняет товарную специализацию азиатского купечества в торговле с Россией. Сведения о правовом положении среднеазиатских купцов в России и российского купечества в Средней Азии важны для характеристики трудовой повседневности данной социальной группы и ее вклада в развитие международной торговли [21].

В постсоветский период происходит процесс переосмысления предыдущей истории развития общества, изучаются белые пятна в истории отдельных народов. Наиболее систематизированное освещение таких аспектов жизнедеятельности мусульман г. Троицка, как динамика их численности, история строительства мечетей, благотворительность, дается в статье Д. Н. Денисова, в ней же упоминаются татарские купцы и их социокультурная деятельность [11].

Ряд направлений деятельности татарских купцов в г. Троицке (строительство мечетей и мусульманских школ, благотворительность, открытие предприятий перерабатывающей промышленности, магазинов) освещается в трудах Р. Н. Гизатуллина [8; 9], Е. И. Скобелкина и И. В. Шамсутдинова [74], Д. Л. Белоусова [6]. Н. А. Кореева обратила внимание на такую особенность меновой торговли в Казахской степи, как раздача купцами товаров кочевникам в долг под проценты с условием возврата долга летом на Меновом дворе г. Троицка [15]. С. В. Любичанковский выявил причины неравного правового положения российских и среднеазиатских купцов, периодически возникавшего в оренбургской торговле в дореформенный период, что иногда приводило к незаконным сделкам среди купечества с целью уменьшения налогового бремени [18]. К. А. Абдрахманов в своих исследованиях рассматривает трудовую повседневность купечества, связанную с караванной торговлей, чайную торговлю, сведения о которых в связи с некоторыми единичными процессами можно частично проецировать и на татарских купцов г. Троицка, участвовавших в этих видах торговли [1; 2].

Большой интерес представляет современная казахстанская историография. Так, исследования Г. К. Кожакметовой [13], А. Б. Кушпаевой [17] позволяют проанализировать экономические процессы, характерные для постоянных поселений на юго-востоке России, Г. С. Султангалиева изучала этнокультурные контакты в Западном Казахстане в XVIII — начале XX в., участниками которых было и татарское купечество [76].

Вместе с тем история участия татарского купечества г. Троицка в российско-центральноазиатской торговле в середине XVIII — второй половине 60-х гг. XIX в. еще не становилась темой специального исследования. В настоящей статье впервые сделана попытка анализа и систематизированного изложения истории участия татарского купечества г. Троицка в российско-центральноазиатской торговле в указанный период.

Целью исследования является выявление роли татарского купечества г. Троицка в становлении и развитии российско-центральноазиатской торговли, укреплении межрегиональных связей внутри страны, расширении границ всероссийского рынка, становлении активного торгового баланса России в торговле со странами Центральной Азии.

Поставленная цель достигается с помощью решения таких задач, как определение причин участия татарских купцов г. Троицка в российско-центральноазиатской торговле, направлений трансформации социально-этнической группы в меняющихся условиях российской политико-правовой действительности; определение форм и методов социально-трудовой деятельности в условиях межэтнической коммуникации; выявление доли российских купцов, торговавших с центральноазиатскими государствами.

Исследование опирается на опубликованные и архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Нормативно-правовые акты, регулирующие социально-трудовую деятельность татарского купечества в контексте правового регулирования российско-центральноазиатской торговли, проанализированы на основе Полного собрания законов Российской империи. Документы из фонда Ф-3 «Оренбургская губернская канцелярия» [23; 24] и фонда Ф-339 «Канцелярия начальника Оренбургского таможенного округа, г. Оренбург, Оренбургская губерния, 1817—1868 гг.» [39] Объединенного государственного архива Оренбургской области, из фонда И-28 «Троицкая пограничная таможня; г. Троицк Троицкого уезда Оренбургской губернии» [40—52] Объединенного государственного архива Челябинской области, фондов 248 «Сенат и сенатские учреждения» [72] и 277 «Мануфактур-коллегия» [73] Российского государственного архива древних актов, фонда 78 «Временный совет по управлению Внутренней киргизской ордой, Ханская ставка, Нарын-пески, Астраханская губерния» [78] Центрального государственного архива Республики Казахстан раскрывают основные аспекты участия татарского купечества г. Троицка в российско-центральноазиатской торговле.

Результаты исследования

С первых десятилетий XVIII в. центральноазиатский регион привлекал внимание российского правительства с точки зрения укрепления здесь своих геополитических и геоэкономических позиций. Одним из способов распространения российского влияния в регионе правительство считало российско-центральноазиатскую торговлю.

После того как в 1731 г. казахи Младшего жуза приняли российское подданство, была создана Киргиз-кайсацкая экспедиция, которая наряду с управленческой деятельностью должна была установить и поддерживать торговые отношения с народами Центральной Азии.

На границе с Казахской степью начинается строительство г. Оренбурга и Оренбургской пограничной линии, среди укреплений и крепостей которой Троицкая крепость, основанная в 1743 г., являлась головной на Нижне-Уйской дистанции [77, с. 43] и самым

мощным военным поселением между г. Оренбургом и г. Омском. В 1745 г. Троицкая крепость стала центром меновой торговли с населением Среднего жуза, которое кочевало зимой в районе рек Тургай и Сыр-Дарья, а летом — в верховьях Ишима, Тобола и Иртыша, и жителями Восточного Туркестана [74, с. 58].

Для реализации задач, поставленных российским правительством на юго-восточном фронтире России, требовались активные проводники его интересов. Значительными внутренними ресурсами для этого наряду с другими народами обладали российские татары.

Этими ресурсами являлась не только принадлежность к тюркской языковой семье и приверженность исламу, то есть обладание общими с азиатами маркерами идентичности, позволявшими последним воспринимать их скорее как «своих», нежели «чужих», но и развитая торговая традиция, которая активно проявлялась в периоды подъема российской экономики.

Высокоразвитой торговой традицией особенно отличались поволжские татары: их торговые способности сложились исторически и развивались благодаря волжскому водному пути. После падения Казанского ханства в 1552 г. в татарском обществе исчез феодальный класс и ведущей экономической силой стали торговцы и предприниматели.

С конца 1780—1790-х гг. до 1810—1817 гг. в экономике России происходила повышательная волна, наиболее ярко проявившаяся в подъеме текстильной промышленности [5, с. 50—51]; общий подъем экономики страны благоприятно сказался на деловой активности татарской буржуазии. Так, например, во второй половине XVIII в. образовался Казанско-Вятский кумачный регион, на предприятиях которого производили кумачи и китайку. Именно владельцы этих предприятий мануфактурного типа из числа татар, их сыновья и приказчики стали одними из первых в деле освоения азиатских рынков. Зависимое положение татарской мануфактуры было предопределено монопольным положением татарской буржуазии в Казахской степи и ханствах Средней Азии. В этом проявилась закономерность экономического развития, заключающаяся в его ускоренном темпе в преддверии промышленного переворота торгового капитала, который «увлекает другие сферы за собой, подчиняет их себе» [7, с. 478].

По справедливому замечанию Г. Г. Косача, татары «становились полезны русским интересам... с точки зрения своих экономических навыков, хозяйственной инициативы и предприимчивости, контактов с иными мусульманскими народами... и в силу этого укрепления российских возможностей на Южном Урале, в казахских степях и Средней Азии. Они включались в государственный контекст, сохраняя свою культуру, язык и веру» [16, с. 37].

Татарское купечество г. Троицка формировалось в условиях процессов, которые происходили среди российского купечества как социальной группы с учетом внутренней и внешней политики Российского государства.

Одно из первых упоминаний о торгующих в Троицкой крепости татарах датируется 10 марта 1750 г., когда первый оренбургский губернатор И. И. Неплюев и генерал-майор, российский дипломат А. И. Тевкелев уведомили Коллегию иностранных дел о том, что прибывшие в город торговые татары и русские купцы свои товары в эту крепость «охотно отпустили» [3, с. 298—299].

Торговля с кочевым населением Казахской степи поначалу осуществлялась в меновой форме близ крепостей и редутов Оренбургской пограничной линии в открытых либо огороженных плетнем местах [17, с. 73]. По мере укрепления постоянных поселений на юго-востоке России здесь создавались таможи, строились меновые и гостинные дворы. Именно сюда казахи пригоняли скот, приходили караваны из государств Центральной Азии. Основным партнером России в области делового обмена был город Бухара, через

который предпринимательское сообщество Бухарского эмирата наладило наиболее тесные торгово-экономические связи с городами российского приграничья — Оренбургом, Троицкой и Орской крепостями [1, с. 401].

С 1750 г. в Троицкой крепости действовали меновой двор и таможня; меновой двор был построен на степной (заграничной — в карантинных целях) стороне. С 1750 г. на меновом дворе по указу императрицы Елизаветы Петровны с 1 июля по 1 октября проводилась ежегодная ярмарка [23, л. 2—10]; приезжие купцы получили право вести здесь не только оптовый, но и розничный торг, хотя в других городах подобным правом обладали только местные купцы. На Троицкой ярмарке среднеазиатские товары выменивались, как правило, на российские и импортные ткани, краски, сахар. Постепенно в торговый оборот включались уральские заводы. Они поставляли на рынок котлы, замки, иглы, булавки, которые охотно покупались как казахами, так и среднеазиатскими купцами [18, с. 284], однако на первом месте по своей значимости был обмен с казахами, пригонявшими десятки тысяч голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Меновой и счетной единицей при подобной торговле являлся годовалый баран, эквивалентом которого были 5 пудов пшеницы.

Меновой двор Троицкой крепости делился на русскую, бухарскую и киргизскую части (дворы). Каждая часть представляла собой прямоугольную площадь, по периметру которой располагались деревянные лавки; на русском дворе их насчитывалось 65, на бухарском — 99, а на киргизском — 10 [79, с. 386]. По сведениям 1774 г. на меновом дворе для хранения товаров российских купцов использовалось 60 деревянных амбаров, а для товаров азиатских купцов — 57. Ежегодная плата за большие амбары в русской части составляла 120 руб., за 38 двойных лавок брали плату по 100 руб., а за 26 малых лавок — по 70 руб.; в киргизском дворе за 4 большие угловые лавки была установлена плата по 100 руб., за 104 малые лавки — по 60 руб.; для азиатских купцов лавок малых числилось 94 с уплатой пошлины по 50 руб., лавок больших — 4 по 80 руб. [44, л. 45].

В лавках и амбарах купцы хранили свои товары, предназначенные для приезжавших на меновой двор казахов, оптовых и розничных покупателей. Известно, например, что в 1787 г. на Троицкую ярмарку приехало 1780 казахов, а в 1788 г. — 6657 человек [3, с. 299]. В разные годы сборы от меновой торговли отличались в большую или меньшую сторону, исходя из того, «как качество ярмонки определит» [41, л. 79].

Желание части российских коммерсантов опередить конкурентов и заключить договор или произвести мену до приезда азиатов на таможню иногда приводило к их выезду за пограничную черту навстречу караванам. Поэтому 29 ноября 1753 г. правительством был принят регламент «О сборе пошлин при Оренбурге и Троицкой крепости» [54, с. 408], в соответствии с которым товары, не очищенные пошлиной, требовалось конфисковывать, российским купцам и торговым татарам запрещалось вести торговлю с азиатскими купцами и казахами вне менового двора, выезжая к ним навстречу в степь.

Служащие Троицкой таможни и менового двора при заполнении документов торговцев из числа татар записывали их не только как купцов, но и как «служилых татар», «служилых татар г. Казани», «казанских татар». Это объясняется тем, что после падения Казанского ханства в 1552 г. в г. Казани образовалась особая социально-этническая группа — служилые татары, которые имели возможность выполнять купеческие функции, не являясь гильдейским купечеством. В соответствии с грамотой Петра Великого «Об освобождении казанских татар от земских податей и повинностей», принятой в 1685 г. [53, с. 702], они получили право беспрепятственно «торговать всякими торгами вместо денежного и хлебного жалованья». Так произошел правовой прецедент: служилые татары г. Казани получили привилегию пользоваться правами купцов без записи в гильдии и

без отбывания повинностей. Это подтверждается и анализом архивных дел об астраханских, арзамасских, кадомских, касимовских, каринских, ногайских, романовских, темниковских, шацких и ярославских (Вятского уезда) служилых татарах за 1584—1719 гг. из фонда 131 «Татарские дела — (коллекция) из фондов Посольского приказа» РГАДА.

Благодаря Указу Сената от 11 июня 1763 г. «О нечинении казанским служилым татарами препятствия в отпуске их в разные города для торговых промыслов» [57, с. 289—290] данная социально-этническая группа получила возможность торговать на ярмарках и базарах в Санкт-Петербурге, Астрахани, на Ирбитской ярмарке, в Оренбурге, на меновых дворах, в Троицкой крепости, закупать лошадей в Уфимской провинции. Эта льгота не распространялась на уездных служилых татар.

В высочайше утвержденном докладе Сената от 7 августа 1763 г. «О беспрепятственной торговле казанских слободских служилых татар по силе данных им жалованных грамот» очередной раз подтверждалось их право вести торговлю в соответствии с Торговым Уставом [58, с. 324].

Особое правовое положение служилых татар г. Казани действовало до Сенатского указа от 31 января 1821 г. «О распространении положения о торгующих крестьянах на казанских служилых татар, состоящих в окладе казенных поселян» [68, с. 576—577], который отменил особое положение казанских служилых татар, теперь они должны были получить свидетельство на право торговли, установленное для крестьян, или объявить капитал и записаться в купечество на законном основании [60, с. 82].

Запись татар в купеческую гильдию начала происходить более активно в связи с принятием Манифеста «О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта 1775 г. [61, с. 430], где были четко определены условия вступления в купеческую гильдию, указаны права и обязанности купцов.

22 ноября 1776 г. последовал указ «О дозволении мещерякским и башкирским старшинам и прочим татарам производить торговые промыслы» [62, с. 455—462], который способствовал вовлечению в Оренбургскую торговлю более широкого социального круга коммерсантов из татар.

Таким образом, правительство, заинтересованное в развитии российско-центрально-азиатской торговли, создало максимально благоприятную для татарского купечества нормативно-правовую базу с целью привлечения его к коммерции на данном направлении внешней торговли. Указанные выше меры не прошли бесследно: татарские купцы стали активнее выезжать на Оренбургскую пограничную линию, в том числе в Троицкую крепость, где были поначалу представлены коммерсантами преимущественно из Казанской губернии и Вятского наместничества (с 1796 г. Вятской губернии), некоторые из которых со временем начали поселяться здесь для постоянного проживания.

В соответствии с указом Екатерины II от 2 мая 1784 г. [64, с. 144] Троицкая крепость получила статус города, в котором, по сведениям 1788 г., купцами из татар числились С. Янгильдин, прибывший с семьей из Бугульмы, и Б. Муртазин — выходец из Сеитовой слободы, сформировавшейся за счет переселенцев из Казанской губернии.

Для демонстрации лояльности государства по отношению к мусульманским подданным и привлечения азиатов к международной торговле правительство Екатерины II использовало исламские институты. В соответствии с указом императрицы от 25 февраля 1782 г. было предписано строить за государственный счет мечети на границах Уфимского наместничества и Тобольской губернии. В 1786 г. на Соборной площади г. Троицка в 67 метрах слева от Свято-Троицкого собора при Гостином дворе была построена деревянная меновническая мечеть [77, с. 58].

Функционирование во время строительства первой мечети Гостиного двора, состоявшего из двух линий по 15 лавок с каждой стороны [51, л. 45], позволяет предположить, что здесь торговали и татарские купцы, так как в гостиные дворы по российским законам допускались только купцы и торгующие мещане [68, с. 588—612].

Вследствие правительственной протекции численность постоянного купечества в г. Троицке медленно, но увеличивалась. Известно, что в 1800 г. в г. Троицке насчитывалось 5 купеческих семей: С. Янгильдина, Н. Шапошникова, И. Неронова, Б. Муртазина и А. Адильшина; в 1803 г. купцами числились М. Барабанщиков, Н. Костылев, Б. Муртазин, Н. Шапошников, А. Адильшин, Н. Сулейманов, Ю. Исмаилов, А. Юсупов, И. Неронов, С. Янгильдин [77, с. 58].

Вместе с тем ограниченность местного рынка, низкая покупательная способность населения в целом тормозили развитие внутренней торговли в Оренбургской губернии, поэтому в первые десятилетия XIX в. участие в российско-центральноазиатской торговле продолжало оставаться основным занятием как местного, так и временно прибывавшего татарского купечества г. Троицка, что подтверждается и анализом рапортов провиантских комиссионеров о заготовке провианта и фуража для содержания военных в форпостах Оренбургской губернии за 1805—1806 гг., который позволил выявить всего двух поставщиков-татар муки и крупы — князя Я. Чанышева из Стерлитамакского уезда и сеитовского купца М. Мягдиева. В г. Троицке в указанное время монополистами в организации поставок для военных были челябинские купцы П. Плотников, В. Бабушкин, А. Бороздин, Н. Елисеев и доверенный ростовского купца 1-й гильдии Ф. Ляпинова [27, л. 164].

В 1806 г. лучшая торговля на меновом дворе Троицка производилась купцами 1-й гильдии, среди которых выделялись челябинский И. Ахматов, а из татар — казанский М. Мунасыпов и малмыжский А. Утямышев. Известно, что И. Ахматов имел оборотный капитал в 57 082 руб., М. Мунасыпов — 78 737 руб., а А. Утямышев — 103 743 руб. [51, л. 35].

Из списка купцов на Троицком меновом дворе в 1811 г., содержавших торговые лавки, видно, что часть лавок арендовали купцы 1-й гильдии: это астраханский А. Шерзатбаев, екатеринбургские Я. Толстикова, А. Резанов, А. Казанцев, ишимский О. Пиленок (позднее фамилия династии сибирских купцов из Ишима трансформировалась в Пиленковых), калужский И. Свешников, московские М. Губин, Алексей и Иван Куманины, И. Бубутин, Г. Калентиров, А. Кукин, полтавский К. Крестовников, ростовские Е. Кайдалов, Н. Кекин, В. Хлебников, А. Малегин, семипалатинский И. Самсонов, тобольский Г. Пирожников, шадринский И. Фетисов, ярославский Ф. Кузнецов.

Татарские купцы 1-й гильдии были преимущественно выходцами из Казанской и Вятской губерний: М. Апанасов, Н. Баязитов, Муса и Муртаза Мунасыповы, Ю. Бикбов, Г. Ишмуратов и С. Ишмуратов, А. Рахимов, С. Ибраев, М. Исмаилов, А. Утямышев, уржумский «служилый татарин и фабрикант» Д. Мунасыпов, сеитовский Г. Рахимов.

Торговые обороты некоторых купцов были значительны: у казанского купца М. Мунасыпова, например, были не только различные товары на общую сумму 233 003 руб., но и «червонцы галанские» на 23 868 руб., «талеры и ефимки» на 114 765 руб.; у малмыжского купца А. Утямышева товаров было на 177 414 руб., у арского купца Н. Баязитова — на 67 064 руб., у И. Бикбова — на 30 900 руб. Распространенность вывоза из России в Бухару иностранной монеты объясняется тем, что она переделывалась в бухарские червонцы на монетном дворе г. Бухары, располагавшемся неподалеку от ханского дворца, всякая иностранная монета — золотая и серебряная — ходила здесь по курсу и пробе свободно. Ввоз и вывоз монет, а также их переделка в Бухарском эмирате не запрещались, но изготовление монет частными лицами каралось смертной казнью.

Купцы 2-й гильдии отличались немногочисленностью. Это тюменские С. Алисин и Г. Башарин, челябинский В. Ахматов.

Среди купцов 3-й гильдии числились казанский С. Салихов, троицкий Н. Костылев, тобольский Е. Аллагул, тюменский Е. Парфенов, группа тобольских и тюменских бухарцев: Г. Уразаев, М. Бахтышев, А. Абделимов, К. Сулейман, А. Маметов, челябинский П. Блинов и др. [43, л. 328—330].

Как видно, состав купечества, торговавшего на меновом дворе, отражает его разнообразную этническую и конфессиональную принадлежность. Татарские коммерсанты не только вели здесь оптовый и розничный торг, но и выступали в роли толмачей, приказчиков, проводников караванов, умели переводить батманы в фунты, миткали в золотники, дирхемы в серебряные рубли, и наоборот [77, с. 60]. Троицкий педагог и краевед М. Н. Ястребов так описывал торговлю на меновом дворе: «...а загляните в какую-нибудь из лавок: стены обвешаны халатами, коврами, загромождены рядами бязи, выбойки, пересматриваемых и перерываемых покупщиками — большею частью заводскими крестьянами и мелочными торговцами, вместе со словоохотливым маклером (маклером здесь называют толмача, переводчика). Маклеры большею частью из татар, понимающих хорошо русский и бухарский языки. Без него купить даже на сто рублей нет возможности, никак не сговоришься с бухарцем или киргизом. Хороший, общественный маклер зашибает в караванное время до 600 руб. серебром, получая по несколько копеек с рубля или с пуда, смотря по условию» [81].

Купеческая прибыль складывалась из разницы цен на сырье и мануфактурные товары в различных российских регионах, в России и государствах Центральной Азии.

Несмотря на то что товарная специализация татарского купечества в ведомостях и отчетах Троицкой пограничной таможни четко не прослеживается, внушительную прибыль татарским купцам приносила торговля бараньим курдючным салом и живым скотом, вымениваемым у казахов. Курдючное сало, из которого впоследствии изготавливались свечи, мыло, смазочные материалы, поступало с Оренбургской линии в Казань, Шадринск и Екатеринбург, откуда его доставляли к Архангельскому и Санкт-Петербургскому портам для последующего вывоза в Европу.

Благодаря поступлению из степей в Казанскую губернию сырой кожи здесь получило развитие кожевенное производство, татарские купцы реализовывали казахам готовые кожевенные изделия, изготовленные из их же сырья, вывозя товары из кожи в Казахскую степь, г. Бухару [73, л. 2].

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. как российским правительством, так и местной властью Оренбургской губернии были приняты нормативные акты, направленные на регулирование российско-центральноазиатской торговли. Лавируя между протекционизмом и фритредерством, законодатель создавал нормативную базу, призванную находить баланс интересов государственной казны и торговых предпринимателей, в том числе азиатских. Создание положительного имиджа России было важно для достижения внешнеполитических задач российского государства.

Например, в 1750 г. И. И. Неплюевым и А. И. Тевкелевым была составлена «Такса» для установления цен на товары российских мануфактур, ниже которых торговать было запрещено — так власть пыталась удержать высокие цены на российские товары.

Для расширения хлебной торговли и привлечения к ней казахов Оренбургская администрация неоднократно предлагала правительству отменить пошлину на хлеб, что привело к разрешению в 1763 г. продавать казахам хлеб беспошлинно 3 года на Оренбургском и Троицком меновых дворах, «дабы тот народ Высочайшую Ее Императорского Величества милость чувствовали и от подданства здешней Империи пользу свою призна-

вали» [59, с. 374]; в 1766 г. срок беспошлинной продажи хлеба был продлен до особого распоряжения правительства.

В целях повышения таможенных сборов на Оренбургской линии 20 мая 1752 г. был введен новый Азиатский тариф, отменивший льготную пошлину — 3% с товаров азиатских купцов, существовавшую в 1739—1749 гг. Хлопчатая бумага, шелк-сырец и шерсть, привозимые из Азии, хотя и были нужны для российских фабрик, облагались высокой пошлиной, а российским купцам, которые не всегда могли до продажи товаров уплатить пошлины, разрешалось брать часть товаров под залог.

1 декабря 1755 г. законодатель утвердил новый Таможенный устав [56], по которому купцам с товарами было запрещено ездить мимо таможен; проезжающих тайно велено было ловить и с товарами представлять на таможеню, где, взяв пошлину, весь товар отдавали поимщику. По новому уставу хивинским и бухарским купцам позволено было, заплатив пошлины за ввезенные в Оренбург товары, провезти их во внутренние города России, уплатив дополнительно проезжую пошлину на 10 копеек с рубля ефимками [56, с. 464].

Торгуя во внутренних городах России, среднеазиатские купцы могли приобретать там товары из первых рук по более низкой цене, а на Оренбургской линии перепродавать их по завышенной цене, что лишало российских купцов выгод, которые прежде принадлежали им. Поэтому 18 марта 1763 г. был принят Указ, по которому азиатским купцам запрещалось ездить во внутренние города России и разрешалось торговать только на трех ярмарках: Ирбитской, Коренной и Нижегородской. Однако оренбургские правители стремились к тому, чтобы торговлю со среднеазиатскими купцами сосредоточить непосредственно в Оренбурге, поэтому они добились постановления Коммерц-коллегии от 13 мая 1763 г., в котором предлагалось «умножить коммерцию с азиатцами» именно со стороны Оренбурга, «а особливо мену товаров на монеты — золото в слитках и серебро» [20, с. 17].

В тарифе 1777 г. для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен таможенные пошлины на азиатские товары вновь были снижены. В соответствии с этим тарифом бумага-сырец, шелк, шерсть, жемчуг, драгоценные камни были допущены к привозу беспошлинно, как и крупный рогатый скот. Для отпускных товаров пошлина составляла 5%. В результате сложились неблагоприятные условия торговли для российских купцов, которые при сделках с казахами старались компенсировать сокращение доходов путем повышения цен на свои товары и снижения цен на скот, чего могли не делать не платившие пошлины среднеазиатские купцы. Поэтому казахи нередко предпочитали продавать свой скот бухарским купцам или в Бухаре [63].

От таможенников требовались «ласковое обхождение» и «благоразумная снисходительность», «приохочивание» азиатских торговцев к российским рынкам [75, с. 571]. Указ от 28 августа 1802 г. требовал пресечения любых попыток, «особливо во время ярмарки», малейших притеснений «киргизцам и другим народам» [66, с. 256].

С 15 марта 1832 г. на Оренбургской пограничной линии разрешалось торговать без платежа гильдейских повинностей в таможенной черте в течение одного года [78, л. 2 об.]. В этом же году начальник Оренбургского таможенного округа, узнав, что руководство Троицкой таможни после досмотра устраивало дополнительную проверку товаров, ходатайствовал перед оренбургским военным губернатором о необходимости устранения нарушений для свободной меновой торговли [46, л. 2]. Меновая торговля с казахами в соответствии с заключением Департамента мануфактур внутренней торговли и мнением Государственного Совета от 29 мая 1814 г. была признана ярмарочной торговлей и «дозволена всем вообще состояниям беспрепятственно» [15, с. 272].

Привлекаемые протекционистскими мероприятиями правительства, нашедшими отражение в нормативно-правовых актах, принятых для регулирования азиатской торговли, торговцы из числа мусульман в первые десятилетия XIX в. начали активнее обзаводиться в г. Троицке собственными домами, предпочитая селиться между Меновым двором и Торговой площадью, где располагалась первая деревянная мечеть. В 1820-е гг. в связи с перестройкой Гостиного двора мусульманский храм был снесен, но уже к 1828 г. благодаря троицкому купцу А. Абубакирову была возведена новая каменная мечеть на дворовом месте № 2 по ул. Оренбургской, напротив Торговой площади [11]. В 1843 г. 10 из 35 троицких купцов были мусульманами (28,6%), а в 1868 г. — 58 из 139 (41,7%) [4, с. 36—37], что дает основание предположить увеличение численности и татарского купечества.

Купцы старались иметь несколько торговых свидетельств одновременно, приписываясь к разным городам [15, с. 267], что позволяло им быть более мобильными и учитывать меняющуюся рыночную конъюнктуру. Те из них, которые приезжали в г. Троицк и г. Оренбург из внутренних российских губерний, торговали здесь с большей выгодой, чем местные купцы, так как права на ведение торговли у всех купцов были почти одинаковы, а повинности в пользу города приезжие купцы не несли.

Известными купцами из татар, успешно торговавшими в 30—40-е гг. XIX в. на меновом дворе г. Троицка, были выходцы из Казанской губернии — купец 2-й гильдии А. Абуталипов, купцы 3-й гильдии Б. Сайфульмулюков, И. Искандеров, Х. Нигматуллин, М. Гатауллин [32, л. 43].

В 60-е гг. XIX в. соответствие этнической принадлежности торговцев различным частям менового двора г. Троицка в делопроизводственной документации не прослеживается. По сведениям 1866 г. в Киргизском дворе лавки, кроме казахских торговцев, были заняты русскими и татарскими купцами, заявившими о себе, как «троицкие». Это А. Абубакиров, Я. Зарубин и И. Зарубин, М. Исхаков, В. Лебедев, У. Бурнаев, Р. Габедуллин, Н. Михайлов, А. Фаткуллин, А. Хусеинов, И. Осипов; троицкие купеческие сыновья И. Яушев и М. Яушев, Г. Крюков, С. Сабиров, М. Валитов. Среди торговавших, кроме гильдейских купцов, упоминаются «казанские татары» Ю. Хайбуллин, Г. Фаткуллин, Н. Вахитов, Ш. Гизетуллин (последний занял лавку для тюменского купца И. Решетникова, который должен был приехать в г. Троицк на ярмарку), троицкий купеческий брат А. Лебедев, троицкий купеческий племянник А. Абубакиров, царевококшайский купеческий сын Г. Иманкулов, доверенный елабужского купца В. Иванова спасский купеческий сын С. Ерошин [48, л. 22—44].

Повторяющиеся из года в год прошения о праве торговли на меновом дворе одних и тех же татарских купцов, указывавших себя как «троицких», свидетельствуют о том, что они становились постоянными жителями г. Троицка или проживали в нем на протяжении длительного времени. Это А. Абдрашитов и В. Абдрашитов, А. Абубакиров, У. Бурнаев, А. Фаткуллин, И. Яушев, Г. Яушев, М. Исхаков, Г. Файзуллин и С. Файзуллин, Т. Бикчентаев, Г. Хайбуллин, С. Тоibaев, М. Тухватуллин, А. Салихов, Р. Гайбадуллин, А. Абутагиров и М. Абутагиров, М. Халимов, М. Халилов, А. Иминкулов, Г. Хабибуллин, А. Мугинулов, И. Аитов, С. Ишбаев, С. Сабитов, М. Аbugитдинов, С. Якупов, А. Абулатипов, А. Ишмуратов. Из других этнических групп «троицкими» купцами указывали себя В. Лебедев, И. Осипов, Н. Ольгамовский, Н. Михайлов, В. Пупышев, Г. Смирнов [50, л. 1—189].

Разнообразный этнический и конфессиональный состав троицкого купечества приводил к социально-экономическому взаимодействию, которое могло проявляться в процессе обмена коммерческой информацией, а также при решении вопросов об улучшении организации торговли, заключении устных договоров, совершении торговых сделок. Так,

например, в 1864 г. троицкий купец из татар И. Аитов подрядился отремонтировать полы в караульной комнате и пакгаузных сараях менового двора, впоследствии начальник таможенного округа подтвердил высокое качество и своевременное выполнение работы [47, л. 4—15].

Купцы, торговавшие на меновом дворе, часто сочетали стационарную торговлю с разъездной торговлей в Казахской степи — на буферной территории между Российской империей и ханствами Средней Азии и караванной торговлей с Бухарой, Хивой и Кокандом. Степная торговля и торговля на рынках Среднего Востока фактически велась несколькими десятками татарских купцов и несколькими сотнями торговцев, являвшимися посредниками в российско-восточной торговле [80, с. 66].

На давние торговые связи татар с населением Казахской степи указывает тот факт, что еще в 1739 г. руководство Оренбургской экспедиции просило правительство запретить выезды в казахские кочевья и ханства Средней Азии казанских татар и яицких казаков, которые «самовольно в киргиз-кайсаки под образом торга или будто для выкупа полонянников ездят» [72, л. 55].

Однако из-за незначительного числа российского купечества на юго-восточном фронтире России Коллегия иностранных дел в 1750 г. отправила в таможи г. Оренбурга и Троицкой крепости распоряжение о направлении в среднеазиатские области татар для налаживания торговли и привлечения к ней азиатских купцов [25, л. 131—131 об.].

Доставка российскими купцами товаров в ханства Средней Азии и до других мест деловых операций осуществлялась единственно возможным способом — в составе торгового каравана [1, с. 409]. На Оренбургской пограничной линии выезды за границу и провоз товаров с 1752 по 1817 г. контролировали Оренбургская и Троицкая таможи.

Со второй половины XVIII в. татарские купцы ежегодно отправляли из г. Троицка караваны в Бухару, Ташкент, Хиву, Коканд, Туркестан, Ходжент, Кашгар и другие города. Троицкая таможня в конце XVIII в. давала казне ежегодный доход до 20 тыс. руб. [70, с. 287—288].

Список товаров, разрешенных к вывозу из России, нашел отражение в указе от 23 декабря 1798 г. «О разрешении выпуска от порта Астраханского и через таможи Кизлярскую, Моздокскую, Оренбургскую и Троицкую иностранной монеты, железа, меди, олова и всякого рода хлеба» [65, с. 487]; торговцы также вывозили шелковые, бумажные, полотняные и шерстяные изделия, кожи юфтевые, сандал, сахар, чай, сундуки, зеркала, посуду, стекло, воск, табак, хлеб разного сорта, деревянную посуду [28, л. 37—43].

Самые большие караваны из ханств Средней Азии приходили в приграничные города один раз в год. Они состояли из 2000—2500 и более верблюдов и совершали путь за 3 месяца. Караваны из более 3000 верблюдов приходили также к Троицкой таможне [34, л. 40], средние караваны — от 300 до 1000 верблюдов приходили 2—3 раза в год [14, л. 36—37], но чаще всего это были части больших караванов, отставшие от них в пути, которые могли состоять, например, из 80 верблюдов [38, л. 14].

Азиатские купцы нередко не доезжали до таможен, так как распродавали свои товары по пути следования. Так, весной 1752 г. в казахских кочевьях были распроданы бязь и другие ткани, которые среднеазиатские купцы везли в караване, состоящем из 1000 верблюдов [3, с. 236].

Как было отмечено выше, из всех городов Средней Азии особенное внимание российских торговцев привлекала Бухара, которая с древнейших времен пользовалась уважением и авторитетом, «задавая тон» и создавая «общественное мнение» во всей мусульманской Азии. Бухарские купцы с большой пользой для себя сбывали на рынках России сельскохозяйственную и ремесленную продукцию ханства, а в самой Бухаре большим

спросом пользовались металлические и текстильные изделия российской промышленности [21, с. 76].

В первые десятилетия XIX в. через Троицкую таможню через своих приказчиков вели торговлю с Казахской степью и ханствами Средней Азии татарские купцы 1-й гильдии А. Утямышев, А. Баязитов и Н. Баязитов, С. Назиров, Муса и Мунасып Максютковы, В. Муслюмов, Х. Сеитов, С. Юсупов, Г. Мусин, Н. Усманов, Г. Абдулов, А. Апсалямов, Ю. Бикбов, а также «торговые татары и фабриканты» М. Смайлов, А. Ибраев, Р. Мухаметев, М. Исмаилов, С. Бурнаев, М. Юсупов [10, с. 484; 44]. В г. Бухару неоднократно выезжали сын троицкого 3-й гильдии купца Х. Нигматуллин, приказчики арского 1-й гильдии купца М. Усманова [39, л. 150—150 об.].

Татарские купцы не специализировались на каких-либо товарах, отправляемых с караванами, а старались ориентироваться на рыночную конъюнктуру. Купец мог отправить с приказчиками и работниками в Казахскую степь или ханства Средней Азии одновременно 135 пудов юфти, сундуки, сапоги, гребни; другой коммерсант отправлял за границу мед, сахар, платки, иглы в пачках, «тику лутчаго», шелковые кушаки; на верблюдов могли быть нагружены 226 пудов черного чая, вывезены 3232 штуки червонцев, 16 500 штук ефимок; приказчик мог везти одновременно железо в деле 40 пудов, сахар 80 пудов, бумагу писчую 2000 листов, медь в деле 10 пудов, а также замки висячие 500 штук, ткань китайку 20 аршин, семя канцелярное 7 пудов, червонцев 500 штук по 12 руб. [43, л. 219].

Важная роль в обмене товаропотоками между основными акторами торговых операций принадлежала приказчикам — доверенным купцов.

Татарские приказчики могли быть выходцами из различных социальных групп: купцы, служилые татары, мещане, ясашные татары, бывшие мурзы [24, л. 205] из деревень Лаишевского, Чистопольского, Мамадышского уездов, г. Арска Казанской губернии, а также из Вятской, Оренбургской губерний.

В 1830-е гг. на Оренбургской пограничной линии было зафиксировано 39 активно торгующих приказчиков. По своему социальному статусу 1 из них был купцом (3%), 2 человека — купеческими сыновьями (5%), 3 чел. — купеческими братьями (8%), 6 чел. — мещанами (15%), но большинство составляли 27 казанских служилых татар (69%). По своему этническому признаку все они были татарами [39, л. 136—136 об.].

Приказчики нанимали работников, численность которых зависела от количества перевозимых товаров. Известно, например, что в 1830-е гг. в ведомостях Оренбургской и Троицкой таможен зарегистрировано около 257 работников из Казанской губернии, нанятых купцами разных регионов. Из них 8 чел. (3%) являлись ясачными татарами, 1 — мещанином (0,4%) и 1 — купеческим сыном. Все остальные были казанскими служилыми татарами [15, с. 277].

Примечательно, что торговые караваны, идущие через Казахскую степь, часто сопровождали казахи, которые впервые получили право наниматься в работники на Оренбургской пограничной линии в 1817 г.

Через Троицкую таможню в 1789—1790 гг. выехали в Среднюю Орду приказчики казанского купца 1-й гильдии Н. Баязитова и вывезли сундуки, выделанные кожи, зеркала, чаши, ленты на 15 697 руб. 50 коп.; в 1790 г. приказчик «казанского торгового татарина шелковых и бумажных фабрик содержателя Р. Мухаметова» отправился из г. Троицка в г. Бухару с работниками и с товарами на 13 811 руб. [42, л. 32—53].

Совершая перекочевки совместно с казахами, разъезжая по степи, татарские торговцы вели меновую торговлю и выдавали в долг промышленные товары, пользуясь исключительной честностью кочевников [76, с. 81]. Так, троицкому купцу 3-й гильдии А. Абдрашитову казахи вернули долг — 23 142 лошади за ранее выданные им товары.

Каждый более или менее зажиточный аул, кочевавший не ближе 200 верст от линии, имел своего приказчика из татар или ташкентцев, казахов, бухарцев, который кочевал вместе с ним целый год, а летом, во время приближения к линии, отделялся для выгона приобретенных баранов и чтобы пополнить свой «подвижной» базар новыми товарами [15, с. 275].

Татары-мусульмане, выезжая в ханства Средней Азии, пользовались покровительством среднеазиатских правителей и в отправлении своих торговых дел имели полную свободу, которой пользовались местные купцы. Сложив свои товары в отведенных им караван-сараях, казанские татары могли сбывать их затем и в обмен, и на наличные деньги как на базарах самой Бухары, так и в окрестностях Бухарского эмирата. Им выдавались открытые листы, дававшие право беспрепятственного проезда по ханству в любое время. Приобретая в Бухаре товары из первых рук, по возвращении в Россию они выдерживали те же цены, что и среднеазиатские купцы, и имели от торговли большую выгоду [21, с. 46]. Важное значение для российских купцов имел и тот факт, что, будучи мусульманами, татарские коммерсанты платили в Средней Азии пошлину, составлявшую 2,5% от стоимости товаров, в то время как с купцов-христиан и немусульманского вероисповедания шариат (мусульманское право) приписывал взysкивать 5%, а иногда и 10% от стоимости товара. В Хиве размер пошлины доходил до 40% [21, с. 46—47].

От вернувшегося из заграницы приказчика не требовали подробного финансового отчета и радовались, если он «выручил на рубль полтину барыша». Могло быть так, что «доверенное лицо уронило кредит хозяина, может быть, оно добыло рубль на рубль, но от него не требуют ни книг, ни записок и верят во всем на слово» [22, с. 19].

Распространенным явлением была отправка русскими купцами приказчиков-татар через троицкую таможню. В 1780 г., например, для «распространения коммерции и собрания розданных там на немалую сумму долгов» в г. Бухару и в г. Ташкент были направлены приказчики троицкого 1-й гильдии купца Л. Лугинина казанские татары А. Смаилов и Г. Абдуллоев [40, л. 142—142 об.], оренбургский 1-й гильдии купец Б. Ишимов нанял приказчиком казанского 2-й гильдии купца Г. Абдуллоева, супруга московского купца Н. Журавлева наняла приказчиком выходца из Вятского наместничества «служилого татарина и фабриканта» М. МаксUTOва, троицкий 3-й гильдии купец И. Юрин — А. Абдулвагапова [39, л. 150 об.]. С приказчиками из татар через троицкую таможню в 1818 г. отправили товары тобольские купцы Г. Пиромидонов, Л. Расторгуев [43, л. 4—9].

Указанные примеры свидетельствуют не только об отказе русских купцов от поездок в страны Азии, связанном с их опасениями за жизнь, здоровье, судьбу товара в случае нападения грабителей, но и о доверии к татарам, которые, по-видимому, дорожили своей деловой репутацией и, как правило, отличались честностью и старались выполнять взятые на себя обязательства.

Как отмечал в своем рапорте 1808 г. директор Оренбургской таможни П. Е. Величко, «в Бухарию ныне ходят для торговли из российских подданных одни татары, коим и настоящие российские купцы поверяют свои товары» [30, л. 45]. По наблюдениям П. И. Небольсина, «русский татарин невзыскателен, нужды его менее обширны, сам он менее чванлив, расходы его менее значительны, наконец, единство вероисповедания с среднеазийцами не подвергает его унижительному притеснению при взимании пошлин во владениях Турана» [22, с. 20].

Татары также сотрудничали с казахскими торговцами. Например, в 1808 г. киргизский старшина Б. Тлякин для доставки на Троицкий меновой двор чищенной хлопчатой бумаги объемом 500 пудов, предназначенной для Александровской мануфактуры, нанял

в приказчики казанских татар Р. Абдельменева, С. Назарова, Г. Ибраева и М. Нигматулина [26, л. 4—6 об.].

Правительство было заинтересовано в более активном развитии российско-центральноазиатской торговли, что требовало включения в нее более широкого круга участников, но, например, иногородним купцам 3-й гильдии и крестьянам, торгующим по свидетельству 3-го рода, в соответствии с указом Государственного совета от 29 мая 1814 г. [67, с. 806—809] торговля в степи, как заграничный торг, была запрещена.

С 1824 г. оренбургские и астраханские купцы 2-й и 3-й гильдий, крестьяне, имевшие свидетельства 2-го и 3-го родов, получили право торговать на азиатских рынках наравне с купцами 1-й гильдии, но без предоставления им личных прав. Данная льгота была продлена до 5 февраля 1857 г.

В соответствии с положением Азиатского комитета от 8 августа 1824 г. и предписанием Департамента внешней торговли от 11 декабря 1825 г. № 27523 указанным социальным группам разрешалась торговля в Казахской степи, но право, дарованное купцам 2-й и 3-й гильдий Оренбургской губернии, на купечество других губерний не распространялось [45, л. 2—4].

В 1832—1834 гг. оренбургские купцы возбудили ходатайство о запрещении торговли в Казахской степи купцам 2-й и 3-й гильдий, а также крестьянам, торгующим по свидетельствам 2-го и 3-го родов. Ходатаи отмечали, что «торговля в степи все более и более переходит в руки хивинцев и татар». Начальство Оренбургской пограничной комиссии, согласовав свое решение с МВД и Министерством финансов, объявило, что «ордынцы через татар сближаются с русскими, и запрещение татарским купцам и их приказчикам разъезжать по степи приведет к тому, что бухарцы и хивинцы будут продавать свои товары в степи». Ходатайство было признано «неосновательным домогательством нескольких купцов», так как польза остальных купцов требует вверять свои интересы людям наиболее опытным и благонадежным без различия вероисповедания [35, л. 30—70 об.].

Основным местом сбыта привозных азиатских товаров была Нижегородская ярмарка [33, л. 2 об. — 27 об.]. Из Нижнего Новгорода в Троицк купцы добирались с товарами через Казань, затем Елабугу, минуя Мамадыш, через Саткинский завод, Златоуст и Миасс. Этот путь имел протяженность 1000 верст. Обозы, идущие из Троицка в Нижний Новгород, направлялись в Мензелинск, а оттуда шли в Казань через Чистополь и Лаишев; за Казанью от станции Тюрлемы они сворачивали на Цивильск и Ядрин и выходили на почтовую дорогу под Нижним Новгородом.

В 40—50-е гг. XIX в. караваны успешно курсировали между г. Троицком и ханствами Средней Азии. Среди купцов, неоднократно отправлявших товары в г. Бухару, в это время числились троицкий 3-й гильдии купец Х. Абдулкаримов, царевококшайский 2-й гильдии купец Хузясеитов, арский 3-й гильдии купеческий брат А. Апеков [34, л. 40, 85, 94], а также купцы 3-й гильдии: царевококшайский Г. Иманкулов, бирский Г. Юсупов, троицкая купчиха Абдулзямилова, И. Лебедев, П. Шишковский, купеческие сыновья М. Тухватуллин, М. Даутов, М. Таиров. Приказчиками и работниками у всех были татары, редко — башкиры из Сеитовой слободы [36, л. 4—23].

В связи с Гражданской войной в США и, как следствие, нарушением поставок хлопка в Россию выросла потребность в азиатском хлопке. На изменение спроса отреагировали троицкие купцы: в июле 1866 г. А. Абубакиров привез из Ташкента 116 пудов хлопчатой бумаги, царевококшайский купеческий сын А. Усманов — 232 пуда, купеческий сын А. Имангулов — 380 пудов [49, л. 20—108].

Татарское купечество г. Троицка сыграло важную роль в организации чайной торговли с г. Чугучаком (Западный Китай). По сведениям Департамента внешней торговли,

относящимся к началу 1850-х гг., для занятых чайной торговлей предпринимателей был характерен разброс по разным регионам страны, в России не было территории, где компактно проживала бы значительная группа купцов, объединенных одним направлением коммерции [2, с. 265]. В 1844 г. в Троицке была составлена компания с ограниченным капиталом и через степи отправлен первый караван (70 верблюдов, 14 пудов груза на каждом, 15 лошадей, 15 работников). По сведениям Троицкой таможни, в 1848 г. на меновой двор прибыл из Чугучака караван, который привез на 22 верблюдах 42 листа и 2 полулиста чая. В составе каравана находились казанские татары Ш. Тагиров, Б. Губайдуллин, С. Шамсутдинов, М. Абдрашитов [10, с. 481].

Торговые сделки, осуществляемые через Троицкую таможню, были значительными: в 60-х годах XIX в., например, через нее ежегодно прогоняли из Казахской степи гурты по 7—8 тысяч крупного рогатого скота, до 200 тыс. мелкого рогатого скота [13, с. 39]. В целом, если в начале второй четверти XIX в. по азиатской границе отпускалось товаров на 5,5 млн. руб., а привозилось на 4 млн. руб., то в середине XIX в. отпускалось на 15 млн., а привозилось на 10,5 млн. руб. [12, с. 83], т.е. России удалось добиться активного торгового баланса на азиатском направлении внешней торговли.

Однако было бы ошибочно идеализировать участие татарского купечества Троицка в российско-центральноазиатской торговле и представлять его делом, лишенным каких-либо трудностей, нарушений российских законов.

Из воспоминаний троицкого купца А. Абубакирова известно, как российским купцам приходилось дарами и взятками «пробивать» торговый путь. В первую очередь необходимо было задобрить представителей тех народностей, по территории которых должен следовать торговый караван: организовывать пиры, преподносить влиятельным людям «хорошую шубу» и традиционные дары по системе «бер-тугыс», т.е. девять предметов разного товара (обычно подразумевалась одежда), и неоднократно повторять подношение даров по пути движения каравана в степи [18, с. 286].

Российские купцы, торговавшие на Оренбургской линии, периодически были недовольны таможенно-тарифными условиями, установленными для среднеазиатских купцов, и требовали запретить им торговать на внутренних российских ярмарках, где им разрешалось свободно продавать товары оптом и в розницу, не платя гильдейской пошлины, просили добиться от бухарского эмира уравнивать пошлины с российскими. Однако вместо принятия мер по сдерживанию азиатских купцов российское правительство решило дать больше свободы купцам российским [18, с. 286].

Среди российского купечества существовала внутрисословная конкуренция: оренбургское купечество было и «молодо», и малочисленно, и не столь богато, как иногороднее купечество из Средней России, Поволжья. Поэтому начинающим купцам приходилось продавать на Оренбургской линии в большинстве случаев «хлам и дрязг» — стеганые халаты из низкопробного хлопка, войлоки (кошмы), «толстые бязи, выбойки, бумажные одеяла, самые грубые ткани и изделия, которые, кажется, не стоят перевозки на сто верст, не только через все пространство степей Турана» [18, с. 287], в результате чего не все купцы могли выдержать конкуренцию и сохранить свой социальный статус.

Выезды российских торговцев в азиатские ханства через Казахскую степь часто сопровождалась нападениями кочевников на торговые караваны с целью грабежа товаров и угона торговцев в плен. С целью предотвращения ограбления купцов указами правительства от 2 ноября 1797 г. и от 6 сентября 1798 г. было узаконено отправление отрядов для охраны и сопровождения караванов до пунктов назначения. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, грабежи караванов продолжались. Например, в 1843 г., когда казалось, что многие аспекты караванной торговли были урегулированы, разграблению

подверглись товары троицких купцов 3-й гильдии А. Абдулвагапова на сумму 1330 руб. и Т. Бикчентаева на 1474 руб. [29, л. 2—8].

Длительное пребывание торговцев в пути могло сопровождаться болезнями: в 1842 г. во время движения каравана за одну ночь умерло 30 человек. Караван разделили на здоровых и больных. Здоровые шли впереди каравана, больные — сзади. После подобных происшествий навстречу прибывающим караванам для осмотра торговцев стали отправлять медиков [34, л. 85, 94].

Не обходилось и без нарушений таможенного законодательства со стороны татарских торговцев: желая снизить издержки при оплате пошлин за вывозимые товары, получение заграничного паспорта, они иногда проходили незамеченными за российскую границу в составе караванов. Не случайно начальник Оренбургского таможенного округа издал приказ от 30 января 1831 г. № 79, в котором пакгаузным надзирателям предписывалось строго наблюдать при отправлении уходящих караванов, чтобы в них скрытно не проходили татары [52, л. 2]. Нарушение российских законов выражалось и в том, что татарские купцы или их доверенные — приказчики могли быть уличены в приобретении у казахов украденного ими у соплеменников или российских торговцев скота; пользуясь желанием азиатских купцов избежать оплаты периодически повышавшейся для них пошлины, коммерсанты из татар, торговавшие в более выгодных условиях — оплаты меньшей для российских купцов пошлины, тайно брали их товары для реализации, получая за данную услугу определенную прибыль [31, л. 2—18 об.].

Проходя через Казахскую степь, часть товаров торговцы сбывали казахам, подъезжавшим к караванам. Подобная торговля не поддавалась никакому контролю, не облагалась пошлиной, что было явным нарушением российских законов. Так, например, известно, что в 1851 г. по пути от Оренбургской таможни к Троицкой часть товаров в 244 тюках была сбита купцами казахам без оплаты пошлины [37, л. 47—85].

Большим спросом среди небогатого населения Казахской степи пользовался контрабандный чай, так как он стоил дешевле чая, ввезенного легально. В 1851 г. стало известно, что троицкий 2-й гильдии купец А. Абубакиров оставил чай, недозвезенный до Троицкой таможни, в казахских аулах. Когда чай был обнаружен отрядом казаков, патрулировавших пограничную территорию, то «была произведена сильная драка с киргизами», которые, успев отбиться от поимщиков, вернулись в ставку. На «месте боя» осталось 2 телеги с 10 цибиками чая и 2 цибика на земле. Киргизы ускакали далеко в степь, а в ставке, оцепленной для досмотра, нашли 48 цибиков чая байхового и 1 место кирпичного чая, зарытые «в скотской яме, прикрытой соломой и песком», и 6 цибиков в плетне около ставки, зарытые землей и навозом. Чай был признан контрабандой и конфискован [38, л. 12—17].

Кроме того, таможенное начальство могло притеснять торговцев, пользуясь своим служебным положением: в 1814 г. 3-й гильдии купец из Казанской губернии М. Мустафин жаловался на начальника Троицкой таможни Дормогацкого, который требовал с него 10 пудов сахара за сохранение за коммерсантом его лавки до следующей ярмарки; на подобные притеснения жаловались и торгующие киргизы Кипчакского рода, и бухарские купцы [31, л. 21].

Однако подобные инциденты среди трудовых будней татарского купечества г. Троицка имели локальный характер и не помешали ему занять свою нишу в международной торговле. Пользуясь высоким уровнем поддержки со стороны государства, выразившейся в принятии нормативных актов протекционистского характера, действуя в условиях этнокультурного многообразия, оно оказалось способным устанавливать и поддерживать межэтническую коммуникацию, выполнять роль связующего звена между российским

купечеством из внутренних губерний страны с торговцами из стран Центральной Азии, концентрировать в своих руках значительный капитал для перехода к новым формам деловой активности.

Заключение

Основную массу татарского купечества в г. Троицке, которое с самого начала организации российско-центральноазиатской торговли в середине XVIII в. активно участвовало в ней, составляли приезжие, преимущественно из Казанской и Вятской губерний. Служилые татары г. Казани до 1821 г. торговали здесь, пользуясь правами гильдейских купцов, формально не являясь ими. Часть купцов оседала в г. Троицке на постоянное жительство, вливаясь в городское полиэтноконфессиональное население.

Местом концентрации татарского купечества г. Троицка, участвовавшего в российско-центральноазиатской торговле, стал меновой двор, основными видами деятельности — меновая стационарная и периодическая караванная торговля, посредническая деятельность.

В процессе социально-трудовой деятельности на юго-восточном фронтире страны татары г. Троицка одними из первых участвовали в распространении российского опыта организации торговли, вовлекали население вновь присоединяемых территорий в общероссийский рынок, совместно с купечеством из внутренних губерний России осваивали азиатские рынки.

Учитывая высокую долю татарского купечества г. Троицка среди участников российско-центральноазиатской торговли, а также многоаспектность его посреднической деятельности, можно утверждать, что оно внесло значительный вклад в расширение границ всероссийского рынка, укрепление межрегиональных связей внутри страны, становление активного торгового баланса России на юго-восточном направлении международной торговли, достижение актуальных для российского государства геостратегических и геоэкономических целей.

Список источников

1. Абдрахманов К. А. Караванная торговля среднеазиатских купцов с Россией в первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2021. Т. 20, № 3. С. 399—410. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410.
2. Абдрахманов К. А. Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 253—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-253-281.
3. Апполова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 456 с.
4. Архангельский И. И. Материалы для истории города Троицка (1743—1891 гг.) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-лит. Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1900. Т. 6. С. 3—50.
5. Багаутдинова Н. Г., Хадиуллина Г. Н. Формирование и развитие предпринимательских структур в Волжско-Уральском регионе в XVIII — начале XX века // Российское предпринимательство. 2008. Т. 9, № 6. С. 49—52.
6. Белоусов Д. Л. Троицк — купеческая столица. Троицк : Троицкая тип., 2023. 44 с.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. XV—XVIII вв. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. Т. 3. Время мира. М. : Прогресс, 1992. 679 с.
8. Гизатуллин Р. Н. Торг в Троицкой крепости (255 лет со времени выхода Высочайшего указа об учреждении торгового дома) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область. 2004. Челябинск, 2003. С. 171—176.
9. Гизатуллин Р. Н. От солдатской школы до классической гимназии. Челябинск : Край Ра, 2018. 392 с.
10. Гилязов И., Зинятова Г. Участие татар во внутренней и внешней торговле России // История татар с древнейших времен. Казань, 2014. Т. 5. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI — XVIII в.). С. 476—484.

11. Денисов Д. Н. Мусульманская община Троицка во второй половине XVIII — начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 123—128.
12. История торговли и промышленности в России / под ред. П. Х. Спасского. СПб. : [Б. и.], 1912. 128 с.
13. Кожакметова Г. К. Роль караванных трактов в формировании регионального торгового рынка Северо-Западного Казахстана и Южного Урала (XIX век) // Вестник Казахского национального университета. Сер. историческая. 2006. № 4 (43). С. 39—40.
14. Колмогоров Г. В. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. СПб. : [Б. и.], 1857. 38 с.
15. Кореева Н. А. Торгово-промышленная деятельность татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. Казань : Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2019. 400 с.
16. Косач Г. Г. Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. М. : Издат. центр Ин-та стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 148 с.
17. Кушпаева А. Б. Развитие города Оренбурга как центра казахско-русских торговых взаимосвязей (последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008. 194 с.
18. Любичанковский С. В. Экономическое и культурное взаимодействие русских и среднеазиатских купцов в Оренбургском крае в дореформенный период // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 284—289.
19. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / сост. Ген. штаба подполковник Л. Мейер. СПб. : Главное управление Генерального штаба, 1865. 382 с.
20. Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Ташкент : Фан, 1982. 92 с.
21. Михалева Г. А. Узбекистан в XVIII — первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины. Ташкент : ФАН, 1991. 112 с.
22. Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом: (со стороны Оренбургской линии). СПб. : [Б. и.], 1856. 360 с.
23. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
24. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 194.
25. ОГАОО. Ф. Ф-5. Оп. 1. Д. 52.
26. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 1. Д. 493.
27. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 2. Д. 1797.
28. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 8. Д. 13.
29. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 165.
30. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 402.
31. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 1217.
32. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3938.
33. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 4687.
34. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 5292.
35. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 5558.
36. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 5933.
37. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6510.
38. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 6539.
39. ОГАОО. Ф. Ф-339. Оп. 1. Д. 29.
40. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-28. Оп. 1. Д. 7.
41. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 8.
42. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 13.
43. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 49.
44. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 102.
45. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 118.
46. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 133.
47. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 953.
48. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 1168.
49. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 1172.
50. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 1314.
51. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 2. Д. 42.
52. ОГАЧО. Ф. И-28. Оп. 2. Д. 67.

53. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830. № 1143.
54. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 10. СПб., 1830. № 7511.
55. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 13. СПб., 1830. № 9984.
56. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 14. СПб., 1830. № 10486.
57. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. СПб., 1830. № 11856.
58. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. СПб., 1830. № 11888.
59. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. СПб., 1830. № 11924.
60. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14274.
61. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14275.
62. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14540.
63. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. СПб., 1830. № 14666.
64. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. СПб., 1830. № 15992.
65. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 25. СПб., 1830. № 18792.
66. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. СПб., 1830. № 20391.
67. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. СПб., 1830. № 25594.
68. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. СПб., 1830. № 28535.
69. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 39. СПб., 1830. № 30115.
70. Преображенский А. А. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. : Наука, 1989. 608 с.
71. Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 238 с.
72. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 1183.
73. РГАДА. Ф. 277. Оп. 2. Д. 971.
74. Скобелкин Е. И., Шамсутдинов И. В. Возвращаясь к прошлому. Троицк : ТЭМП, 1993. 168 с.
75. Солонченко Е. А. Азиатский тариф и Таможенный Устав 1817 г. и попытки их пересмотра в первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 570—572.
76. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII — начало XX в.). Уфа : РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.
77. Халикова Г. Троицкий район: на рубеже времен и судеб / под ред. Э. Ш. Валеевой, И. Ф. Михайленко. Воронеж : ЛАЙТ, 2014. 349 с.
78. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 78. Оп. 1. Д. 37.
79. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Изд. иждивением Учен. ком., 1859. 472 с.
80. Шкунов В. Н. Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая пол. XVIII — первая пол. XIX в.) // Эхо веков. 1997. № 3—4. С. 64—69.
81. Ястребов М. Н. Очерки Троицкого менового двора. (Отрывок из встречного и поперечного) // Северная пчела. 1849. № 243 (1 нояб.). С. 971—972.

References

1. Abdrakhmanov K. A. Karavannaya trgovlya sredneaziatskikh kuptsov s Rossiei v pervoi chetverti XIX v. [Caravan trade of Central Asian merchants with Russia in the first quarter of the 19th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 399—410. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-3-399-410. (In Russian)
2. Abdrakhmanov K. A. Chainaya trgovlya v Rossiiskoi imperii v seredine XIX veka [Tea Trade in Russian Empire in Middle of 19th Century]. *Nauchnyi dialog — Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 9, pp. 253—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-253-281. (In Russian)
3. Appolova N. G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII — nachale XIX v.* [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the 18th — early 19th centuries]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1960. 456 p. (In Russian)
4. Arkhangel'skii I. I. Materialy dlya istorii goroda Troitska (1743—1891 gg.) [Materials for the history of Troitsk city (1743—1891)]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Orenburg, Tipo-lit. Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1900, vol. 6, pp. 3—50. (In Russian)
5. Bagautdinova N. G., Khadiullina G. N. Formirovanie i razvitie predprinimatel'skikh struktur v Volzhsko-Ural'skom regione v XVIII — nachale XX veka [Formation and development of entrepreneurial structures in the Volga-Ural region in the 18th — early 20th centuries]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo — Russian Journal of Entrepreneurship*, 2008, vol. 9, no. 6, pp. 49—52. (In Russian)

6. Belousov D. L. *Troitsk — kupecheskaya stolitsa* [Troitsk — merchant capital]. Troitsk, Troitskaya tip. Publ., 2023. 44 p. (In Russian)
7. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya. Ekonomika i kapitalizm. XV—XVIII vv. T. 3. Vremya mira* [Material Civilization. Economics and Capitalism. XV—XVIII centuries. Vol. 3. Time of the World]. Moscow, Progress Publ., 1992. 679 p. (In Russian)
8. Gizatullin R. N. *Torg v Troitskoi kreposti (255 let so vremeni vykhoda Vysochaishego ukaza ob uchrezhdenii torga)* [Bargaining in the Troitsk Fortress (255 years since the issuance of the Highest Decree on the establishment of bargaining)]. *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat. Chelyabinskaya oblast'. 2004* [Calendar of significant and memorable dates. Chelyabinsk region. 2004]. Chelyabinsk, 2003, pp. 171—176. (In Russian)
9. Gizatullin R. N. *Ot soldatskoi shkoly do klassicheskoi gimnazii* [From a soldier's school to a classical gymnasium]. Chelyabinsk, Krai Ra Publ., 2018. 392 p. (In Russian)
10. Gilyazov I., Zinnyatova G. *Uchastie tatar vo vnutrennei i vneshnei torgovle Rossii* [Participation of the Tatars in domestic and foreign trade of Russia]. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [History of the Tatars from ancient times]. Kazan, 2014, vol. 5, pp. 476—484. (In Russian)
11. Denisov D. N. *Musul'manskaya obshchina Troitska vo vtoroi polovine XVIII — nachale XX v.* [The Muslim community of Troitsk in the second half of the 18th — early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 10 (191). *Istoriya*, is. 39, pp. 123—128. (In Russian)
12. *Istoriya torgovli i promyshlennosti v Rossii* [History of trade and industry in Russia]. St. Petersburg, 1912. 128 p. (In Russian)
13. Kozhakmetova G. K. *Rol' karavannykh traktov v formirovanii regional'nogo torgovogo rynka Severo-Zapadnogo Kazakhstana i Yuzhnogo Urala (XIX vek)* [The role of caravan routes in the formation of the regional trade market of North-West Kazakhstan and the Southern Urals (XIX century)]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Ser. istoricheskaya — KazNU Bulletin: History series*. 2006, no. 4 (43), pp. 39—40. (In Russian)
14. Kolmogorov G. V. *O promyshlennosti i torgovle v kirgizskikh stepyakh Sibirskogo vedomstva* [On industry and trade in the Kyrgyz steppes of the Siberian Department]. St. Petersburg, 1857. 38 p. (In Russian)
15. Koreeva N. A. *Torgovo-promyshlennaya deyatel'nost' tatarskogo kupechestva Kazanskoi gubernii v poslednei chetverti XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Commercial and industrial activity of the Tatar merchants of the Kazan province in the last quarter of the 18th — first half of the 19th century]. Kazan, In-t tatarskoi entsiklopedii i regionovedeniya AN RT Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
16. Kosach G. G. *Gorod na styke dvukh kontinentov: orenburgskoe tatarskoe men'shinstvo i gosudarstvo* [A city at the junction of two continents: the Orenburg Tatar minority and the state]. Moscow, Izdat. tsentr In-ta stran Azii i Afriki pri MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1998. 148 p. (In Russian)
17. Kushpaeva A. B. *Razvitie goroda Orenburga kak tsentra kazakhsko-russkikh torgovykh vzaimosvyazei (poslednyaya chetvert' XVIII — 60-e gody XIX veka): dis. ... kand. ist. nauk* [Development of the city of Orenburg as a center of Kazakh-Russian trade relations (last quarter of the 18th — 60s of the 19th century). Cand. Dis.]. Almaty, 2008. 194 p. (In Russian)
18. Lyubichankovskii S. V. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie russkikh i sredneaziatskikh kuptsov v Orenburgskom krae v doreformennyi period* [Economic and cultural interactions between Russian and Central Asian merchants in the Orenburg region in the pre-reform period]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 20, no. 3 (2), pp. 284—289. (In Russian)
19. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. St. Petersburg, Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba Publ., 1865. 382 p. (In Russian)
20. Mikhaleva G. A. *Torgovye i posolskie svyazi Rossii so sredneaziatskimi khanstvami cherez Orenburg (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Trade and embassy relations of Russia with the Central Asian khanates through Orenburg (second half of the 18th — first half of the 19th century)]. Tashkent, Fan Publ., 1982. 92 p. (In Russian)
21. Mikhaleva G. A. *Uzbekistan v XVIII — pervoi polovine XIX veka. Remeslo, torgovlya i poshliny* [Uzbekistan in the 18th — first half of the 19th century. Craft, trade and duties]. Tashkent, FAN Publ., 1991. 112 p. (In Russian)
22. Nebol'sin P. I. *Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokanom: (so storony Orenburgskoi linii)* [Essays on Russia's trade with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokan. (From the Orenburg line)]. St. Petersburg, 1856. 360 p. (In Russian)

23. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region] (OGA00). F. 3. Op. 1. D. 24.
24. OGA00. F. F-3. Op. 1. D. 194.
25. OGA00. F. F-5. Op. 1. D. 52.
26. OGA00. F. F-6. Op. 1. D. 493.
27. OGA00. F. F-6. Op. 2. D. 1797.
28. OGA00. F. F-6. Op. 8. D. 13.
29. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 165.
30. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 402.
31. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 1217.
32. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 3938.
33. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 4687.
34. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 5292.
35. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 5558.
36. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 5933.
37. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 6510.
38. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 6539.
39. OGA00. F. F-339. Op. 1. D. 29.
40. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti* [United State Archives of the Chelyabinsk Region] (OGAChO). F. I-28. Op. 1. D. 7.
41. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 8.
42. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 13.
43. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 49.
44. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 102.
45. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 118.
46. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 133.
47. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 953.
48. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 1168.
49. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 1172.
50. OGAChO. F. I-28. Op. 1. D. 1314.
51. OGAChO. F. I-28. Op. 2. D. 42.
52. OGAChO. F. I-28. Op. 2. D. 67.
53. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI).
Sobr. 1. Vol. 2. St. Petersburg, 1830. No. 1143.
54. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 10. St. Petersburg, 1830. No. 7511.
55. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 13. St. Petersburg, 1830. No. 9984.
56. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 14. St. Petersburg, 1830. No. 10486.
57. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 16. St. Petersburg, 1830. No. 11856.
58. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 16. St. Petersburg, 1830. No. 11888.
59. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 16. St. Petersburg, 1830. No. 11924.
60. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. No. 14274.
61. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. No. 14275.
62. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. No. 14540.
63. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. No. 14666.
64. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 22. St. Petersburg, 1830. No. 15992.
65. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 25. St. Petersburg, 1830. No. 18792.
66. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 27. St. Petersburg, 1830. No. 20391.
67. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 32. St. Petersburg, 1830. No. 25594.
68. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 37. St. Petersburg, 1830. No. 28535.
69. PSZRI. Sobr. 1. Vol. 39. St. Petersburg, 1830. No. 30115.
70. Preobrazhenskii A. A. *Istoriya Urala s drevneishikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 608 p. (In Russian)
71. Rozhkova M. K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei* [Economic ties between Russia and Central Asia]. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1963. 238 p. (In Russian)
72. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA).
F. 248. Kn. 1183.
73. RGADA. F. 277. Op. 2. D. 971.

74. Skobelkin E. I., Shamsutdinov I. V. *Vozvrashchayas' k proshlomu* [Going back to the past]. Troitsk, TEMP Publ., 1993. 168 p. (In Russian)
75. Solonchenko E. A. Aziatskii tarif i Tamozhennyi Ustav 1817 g. i popytki ikh peresmotra v pervoi polovine XIX v. [The Asian Tariff and Customs Charter of 1817 and attempts to revise them in the first half of the 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Orenburg State University*, 2011, no. 16 (135), pp. 570—572. (In Russian)
76. Sultangalieva G. S. *Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII — nachalo XX v.)* [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII — early XX centuries)]. Ufa, RIO RUNMTs Goskonnauki RB Publ., 2002. 262 p. (In Russian)
77. Khalikova G. *Troitskii raion: na rubezhe vremen i sudeb* [Troitsk district: at the turn of times and destinies]. Voronezh, LAIT Publ., 2014. 349 p. (In Russian)
78. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 78. Op. 1. D. 37.
79. Cheremshanskii V. M. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khozyaistvenno-statisticheskoi, etnograficheskoi i promyshlennoi otnosheniyakh* [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, Izd. izhdiveniem Uchen. kom. Publ., 1859. 472 p. (In Russian)
80. Shkunov V. N. Tatarskie kupty v rossiisko-vostochnoi torgovle (vtoraya pol. XVIII — pervaya pol. XIX v.) [Tatar merchants in Russian-Eastern trade (second half of the 18th — first half of the 19th century)]. *Ekho vekov — Gasyrlar avazy — Echo of Centuries*, 1997, no. 3—4, pp. 64—69. (In Russian)
81. Yastrebov M. N. Ocherki Troitskogo menovogo dvora. (Otryvok iz vstrechnogo i poperechnogo) [Essays on the Trinity Barter Court. (Excerpt from Counter and Cross)]. *Severnaya pchela*, 1849, no. 243 (Nov. 1), pp. 971—972. (In Russian)

Информация об авторе

Э. М. Гибадуллина — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

E. M. Gibadullina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024;
принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 27.04.2024; approved after reviewing 28.06.2024;
accepted for publication 20.08.2024